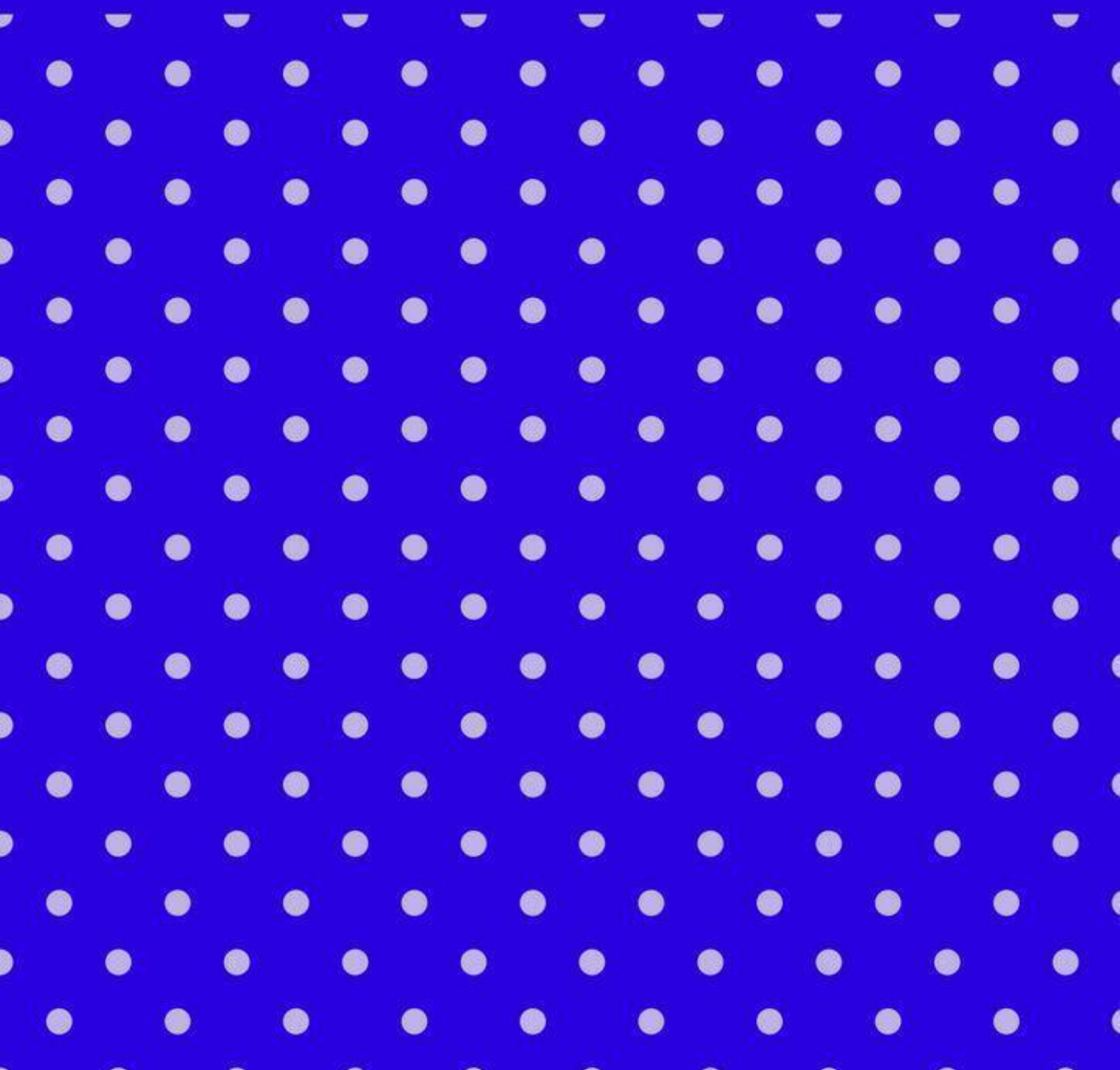

18+

Ник Нил

Синдром абсолютной ясности

Ник Нил

Синдром абсолютной ясности

«Издательские решения»

Нил Н.

Синдром абсолютной ясности / Н. Нил — «Издательские решения»,

Алина Морозова — гениальный аналитик, чью способность раскладывать реальность на атомы признали опасным психозом. В клинике корпорации «Гелиос» ее лечат от потребности составлять списки и видеть логику там, где другие видят хаос. Чтобы спасти данные, способные обрушить правительство, ей придется применить высшую математику к законам физики канализации, взломать серверную под башней «Федерация» и внести пункт о государственной измене в повестку дня Совета директоров прямо во время заседания.

© Нил Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Диагноз: Синдром абсолютной ясности	6
Глава 2. Патологическая тяга к ясности	8
Глава 3. Список выживания №1	9
Глава 4. Геометрия безумия	10
Глава 5. Архитектура спасения	11
Глава 6. Периодическая таблица Дмитрия Ивановича	12
Глава 7. Интерфейс Петровича	13
Глава 8. Парадокс ложки	15
Глава 9. Теория мягких стен	17
Глава 10. Энтропия Петровичей	19
Глава 11. Коэффициент трения	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Синдром абсолютной ясности

Ник Нил

© Ник Нил, 2026

ISBN 978-5-0071-3956-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Диагноз: Синдром абсолютной ясности

Меня зовут Алина, и меня бы заперли не за буйство, не за голоса в голове и не за попытку съесть обивку кушетки. Меня бы изолировали от общества за то, что я слишком упорно пытаюсь всё объяснить.

Представьте себе стандартную палату интенсивного наблюдения психиатрической клиники имени Н. А. Алексеева. Мягкие стены цвета переваренной манной каши, запах хлорки, дешевого стирального порошка и человеческого отчаяния. Лампа забрана толстой решеткой из прозрачного поликарбоната. На койке напротив женщина с лицом, похожим на смятую географическую карту, ведет светскую беседу с пауком, спускающимся по паутине с потолка. В углу мужчина методично бьется затылком о стену — ровно три удара в минуту, словно отсчитывает такт для невидимого оркестра.

А я сижу у зарешеченного окна, аккуратно сложив руки на коленях (они вполне осязаемые, просто мне нравится эта поза собранности), и в сотый раз спокойно говорю пустоте перед собой:

— Но если посмотреть на это с точки зрения формальной логики...

Пустота молчит. Пустота здесь вообще очень вежливый собеседник. Она никогда не перебивает. Зато реагирует санитар Петрович. Он огромный, пахнущий луком и казенным мылом человек, который передвигается по коридорам так, будто пол под ним вот-вот провалится. Он останавливается в дверном проеме, тяжело опираясь на косяк, смотрит на меня с отеческой усталостью и вздыхает:

— Ну вот опять. Сейчас будет рассуждение на семь пунктов с выводами. Валерьевна! — кричит он в сторону сестринского поста. — Несите ей феназепам и сладкий чай. У нее сейчас процессор перегреется.

Я смотрю на Петровича. Мой внутренний алгоритм немедленно запускает анализ его состояния.

Пункт первый: мешки под глазами имеют синюшный оттенок, характерный для хронической почечной недостаточности или трех суток недосыпа.

Пункт второй: асимметрия плеч говорит о старой травме правого акромиально-ключичного сочленения.

Пункт третий: интонация угрозы отсутствует, присутствует фоновый эмпатический шум, коэффициент усталости 0,84.

— Петр Игнатьевич, — мягко начинаю я, игнорируя шприц в руках медсестры Валерьевны, которая уже закатывает мне рукав больничной пижамы. — Ваша угроза медикаментозным подавлением когнитивных функций абсолютно иррациональна. Если моя гипотеза верна, и мы все находимся внутри сбоящей симуляции, то введение экзогенных нейролептиков лишь изменит параметры моего рендеринга, но никак не повлияет на корневой код ошибки. Согласитесь, лечить симптом вместо причины — это как пытаться починить зависший компьютер, протирая экран влажной салфеткой.

Валерьевна замирает со шприцем. Петрович трет переносицу большим пальцем.

— Алина Сергеевна, — говорит он голосом, которым обычно разговаривают с дикими собаками. — Я вас прошу. Просто посидите тихо. Посмотрите в окно. Там ворона сидит. Очень интересная ворона, между прочим. Клюв кривой.

— Кривизна клюва составляет примерно четыре градуса относительно центральной оси черепа, — тут же откликаюсь я. — Это либо следствие рахита в птенцовом возрасте, либо результат столкновения с твердой поверхностью. Если допустить второе, можно вычислить массу объекта, о который она ударилась, исходя из законов сохранения импульса...

— Вот! — торжествующе тычет в меня пальцем Петрович. — Опять началось! Валерьевна, коли давай быстрее, пока она нам физику Ньютона к обеду не применила.

Глава 2. Патологическая тяга к ясности

Шприц входит в вену привычно и почти нежно. Медсестра Валерьевна умеет попадать с первого раза даже сквозь дрожь. Розоватая жидкость начинает свой путь к мозгу.

Мир не плывет, нет. Галоперидол действует грубее. Он берет мою идеально структурированную вселенную, где каждая мысль лежит в своей подписанной коробочке, и вытряхивает содержимое прямо на пол. Коробочки перемешиваются. Внутри становится пыльно и тесно.

Но проблема в том, что потребность раскладывать всё по полочкам — это не агрессия. Это профессиональная деформация высшей пробы. До того как оказаться здесь, точнее, до того как мое поведение стало социально неприемлемым, я была старшим аналитиком рисков в консалтинговой фирме «Кронос». Моя работа заключалась в том, чтобы смотреть на радужные графики роста стартапов и находить в них черные дыры размером с игольное ушко, через которые утекают миллионы.

Я видела причинно-следственные связи там, где другие видели удачу. Я могла предсказать банкротство завода по тому, как генеральный директор завязывал шнурки (асимметричный узел всегда предшествует финансовым махинациям). Я составляла списки потенциальных угроз для покупки молока («Вариант А: скиснет раньше срока из-за нарушения холодовой цепи поставщиком Б. Вариант Б: упадет на пол из-за недостаточного коэффициента трения дна пакета»).

Начальство боготворило меня. Инвесторы боялись моих отчетов. А потом случился контракт с корпорацией «Гелиос». Они строили сеть дата-центров в вечной мерзлоте Якутии. Я написала им служебную записку на сорок страниц. Сорок страниц чистого, дистиллированного ужаса. Я разложила таяние льдов, миграцию бактерий, изменение магнитного поля Земли и политическую нестабильность региона в единую таблицу вероятностей. Вероятность катастрофического отказа системы охлаждения в течение пяти лет составляла девяносто девять и восемь десятых процента.

Директор корпорации вызвал меня на личную встречу. Он предложил мне бонус, превышающий стоимость моей квартиры. За молчание.

Я посмотрела на него, улыбнулась той самой спокойной улыбкой, которой улыбаюсь сейчас Петровичу, и сказала:

— С точки зрения этики сокрытие этих данных делает нас соучастниками будущего экоцида. Кроме того, ваши цифры в финансовой модели не сходятся на втором знаке после запятой. Позвольте, я покажу вам еще один нюанс...

Через неделю ко мне пришли люди, которые представились сотрудниками службы безопасности компании. Через два месяца суд признал меня недееспособной по ходатайству внезапно объявившейся двоюродной тети, которой я оставила генеральную доверенность «для оплаты коммунальных услуг». Тетя оказалась юристом «Гелиоса» с двадцатилетним стажем.

В истории болезни написали бы что-нибудь вроде: «Демонстрирует патологическую тягу к ясности и чёткости формулировок. В стрессовых ситуациях генерирует списки. Склонна к индуцированию тревоги у окружающих путем демонстрации объективной реальности».

Глава 3. Список выживания №1

Знаете, в чем главная ирония? Когда туман от галоперидола немного рассеивается, а мягкие стены перестают дышать, мой мозг первым делом пытается спасти сам себя проверенным способом. Он начинает составлять список.

Тема списка сегодня: **«Как провести время с пользой, находясь в условиях принудительной изоляции категории „С“ (палата строгого режима)».**

Я лежу на спине, глядя на тусклую лампочку за сеткой, и проговариваю пункты шепотом, синхронизируя их с ударами сердца соседа по палате (он дышит часто, значит, ему страшно; частота ударов — сто десять в минуту).

Пункт 1. Провести аудит рациона питания. Больничная еда — это идеальный кейс для термодинамического анализа. Овсянка на воде имеет критически низкий энергетический выход. Необходимо рассчитать калорийность картофельного пюре, учитывая процент содержания воды при варке без кожуры. Цель: доказать заведующему отделением вред углеводного перекуса для стабилизации психики.

Пункт 2. Классифицировать звуки вентиляции. Гул идет по трубе с частотой около сорока герц. Если правильно модулировать дыхание, можно войти в резонанс и заставить трубу выдать инфразвуковой аккорд, вызывающий беспричинную тоску у санитаров. Полезный навык защиты личного пространства.

Пункт 3. Помочь Веронике Аркадьевне придумать историю.

Вероника Аркадьевна — та самая женщина, что общается с пауком. Ей шестьдесят два года. Раньше она преподавала органическую химию в МГУ. Теперь она уверена, что ее тело состоит из жидкого азота, и боится пошевелиться, чтобы не рассыпаться осколками. Паука она называет Дмитрием Ивановичем Менделеевым и просит его составить периодическую таблицу ее страхов.

Она поворачивает ко мне голову. Движение настолько плавное, словно она действительно сделана из сверхтекучей жидкости.

— Алиночка, — говорит она шелестящим голосом. — Дмитрий Иванович говорит, что завтра пойдет дождь из тяжелых металлов. Нам нужно построить ковчег. Из чего мы будем строить ковчег?

Даже если мир немного сошел с ума — рассказывать истории всё равно важно. Особенно когда эти истории являются единственным доступным способом упорядочить хаос.

— Ковчег нельзя строить из металла, Вероника Аркадьевна, — отвечаю я, мысленно открывая новую папку в сознании: **Проект «Ноев ковчег»: материальное обеспечение.** — Теплопроводность стали приведет к мгновенному выхолаживанию внутреннего объема. Идеальный материал — кедр. Коэффициент пористости, устойчивость к гниению... Давайте составим спецификацию древесины. Начнем с плотности волокон.

Ее глаза, до этого затуманенные, вдруг фокусируются. Химик внутри нее узнает родственную душу. Проект начинается.

Глава 4. Геометрия безумия

Мягкая стена — это гениальное инженерное решение, доведенное до абсурда. Если приклониться к ней ухом и закрыть глаза, можно уловить микровибрации здания. Сталинская постройка, основной каркас — монолитный железобетон марки М350. Перекрытия пустотные. Где-то над нами, на третьем этаже административного корпуса, кто-то печатает на механической клавиатуре. Звук распространяется со скоростью звука в воздухе, отражается от бетонных балок и доходит до меня искаженным.

Я считаю. Три удара клавиш. Пауза в 1,2 секунды. Еще пять ударов.

Это не случайность. Это азбука Морзе. Или, что более вероятно, мышечный спазм уставшего офисного работника. Но мой мозг отказывается принимать версию о спазме. Спазм хаотичен. Здесь прослеживается ритм. Ритм требует расшифровки.

— Вычисляешь дату конца света по стуку? — хриплый голос справа заставляет меня открыть глаза.

На соседней койке, метрах в полутора от меня, сидит девушка лет двадцати пяти. Худое, острое лицо, коротко стриженные волосы, выбритые на висках до синевы. На предплечье — свежий шов, заклеенный пластырем телесного цвета. Она выглядит единственной трезвой деталью в этом размазанном пейзаже. Зовут ее Катя, хотя официально она проходит по документам как «больная Е.К., острый психоз с элементами аутоагрессии».

Катя режет себя не из желания умереть. Она ищет провода под кожей. Она системный администратор, которую уволили после того, как она попыталась физически подключиться к серверной стойке кабелем USB-C, объясняя это необходимостью прямого доступа к ядру операционной системы своего организма.

— Частота двадцать герц, амплитуда минимальная, — отзываюсь я, не отрываясь от стены. — Источник локализован на северо-северо-запад, угол падения волны около тридцати градусов.

— Это Степаныч храпит в процедурной, — фыркает Катя. — У него аденоиды. Расслабься, гений. Нейролептики сожрут твой процессор раньше, чем ты взломаешь матрицу.

— Матрицу не нужно взламывать, ее нужно описать, — я наконец поворачиваюсь к ней. — Описание дает контроль. Контроль снижает уровень кортизола. Ты почему не спишь? Твои циркадные ритмы сбиты напрочь. Сколько циклов REM ты пропустила?

— Достаточно, чтобы видеть тебя насквозь, — Катя подтягивает колени к груди. — Зачем тебе этот список? Про ковчег. Эта тетка-химичка все равно забудет его через час после инъекции. Ты тратишь вычислительные мощности на мусор.

— Мусора не существует, есть только неверно классифицированные объекты, — парирую я. — Помогая ей выстроить структуру, я выстраиваю свою. И твою тоже. Кстати, пластырь на твоей руке наклеен неровно. Угол отклонения от линии натяжения кожи — двенадцать градусов. При движении он создаст зону избыточного давления. Будет мокнуть. Давай перетяну?

Катя удивленно моргает. Кажется, впервые за долгое время кто-то заговорил с ней не о ее порезах, а о законах биомеханики. Она молча протягивает руку.

Глава 5. Архитектура спасения

У меня нет бинтов. У меня есть только одноразовая бумажная салфетка, украденная во время обеда, и слюна. Не самый стерильный вариант, но законы физики работают и в антисанитарии.

Я смачиваю уголок салфетки. Аккуратно, миллиметр за миллиметром, отлепляю старый пластырь. Катя шипит сквозь зубы, но не одергивает руку. Ее кожа покрыта мурашками — температура в палате восемнадцать градусов, для обнаженной нервной системы это ледниковый период.

— Иннервация поврежденного участка повышена, — комментирую я свои действия, работая с точностью микрохирурга. — Вазоконстрикция сужает сосуды, замедляя регенерацию. Тебе нужен теплый компресс и белок. Требуй утром яйцо вкрутую. Лецитин полезен для миелиновых оболочек, а они у тебя сейчас трещат по швам от нехватки жиров.

— Доктор сказал, у меня дефицит серотонина, — тихо говорит Катя, наблюдая, как я разглаживаю бумагу.

— Серотонин — это побочный продукт метаболизма триптофана, — я фиксирую край самодельной повязки. — Чтобы получить триптофан, нужно расщеплять белки. Замкнутый круг. Они кормят тебя кашей, Катя. Каша не чинит оборванные нейронные цепи. Им выгодно держать тебя овощем, потому что овощ не спрашивает, куда уходят данные с корпоративных серверов, которые ты обслуживала.

Я заканчиваю. Повязка держится.

— Спасибо, — говорит она. Впервые за наше знакомство в ее голосе нет защитной агрессии. Только звенящая, опасная пустота. — Ты реально думаешь, что дело в белках?

— Дело в доступе, — поправляю я. — Мы с тобой похожи. Нас пытаются отключить от сети, потому что мы начали читать исходный код. Вероника Аркадьевна видит систему элементов, я вижу логистические цепочки, ты видишь архитектуру трафика. Этот санаторий — не больница. Это карантинная зона для бракованных модулей восприятия.

Катя медленно опускает ноги на холодный линолеум. Босые ступни оставляют влажные следы.

— Если это карантин, — говорит она, глядя в темноту коридора за дверью, охраняемую сонным Петровичем, — то должен быть протокол эвакуации. У любого протокола есть уязвимости. Какие уязвимости у нашего Петровича?

— Хронический геморрой, любовь к сладкому чаю с лимоном и сын-студент, которого выгнали за неуспеваемость, — мгновенно выдаю я. — Его логика проста: меньше шума — больше сна. Но если дать ему задачу, требующую эмоционального вовлечения, не связанную с физическим насилием, его бдительность падает на сорок процентов. Например, попросить его помочь решить уравнение для письма сыну.

— Проверим завтра, — Катя ложится, натягивая колючее одеяло до подбородка. — Спокойной ночи, аналитик. Разложи по полочкам мои сны, чтобы там не было проводов.

Глава 6. Периодическая таблица Дмитрия Ивановича

Сон приходит рывками, оглушая фармакологией. Мне снятся таблицы Excel, растущие прямо из земли, как ядовитые грибы. В них вместо цифр пульсирует живая кровь.

Я просыпаюсь от запаха озона и хозяйственного мыла. Утренний туалет.

Вероника Аркадьевна уже сидит на своей кровати, прямая как струна. Паук-Дмитрий Иванович замер на потолке прямо над ней.

— Плотность сердцевины сибирского кедра составляет 0,4 грамма на кубический сантиметр, — сообщает она мне вместо приветствия, как только наши взгляды встречаются. — Но в условиях глобального похолодания плотность увеличится. Нам нужна поправка на сжатие клеточных стенок. Какова формула расчета деформации древесины при отрицательных температурах, Алина?

Мой воспаленный, продырявленный лекарствами мозг ликует. Это вызов. Это чистая, незамутненная задача.

Мы начинаем проект.

Я занимаю место на краю ее постели. Катя, делающая утреннюю зарядку (три наклона, два приседания, методика восстановления кровотока), бросает на нас быстрый взгляд и усмехается, качая головой. Петрович заглядывает в глазок, видит двух женщин, склонившихся над листком бумаги, вырванным из середины рулона туалетной бумаги (наш единственный разрешенный писчий материал), и карандашом, привязанным к спинке кровати бельевой резинкой, и удовлетворенно закрывает заслонку. Порядок восстановлен. Пациенты заняты делом.

— Записывай, — команду я, чувствуя, как отступает тошнота от вчерашнего укола. — Пункт первый: герметизация. Смола кедра теряет эластичность при минус сорока. Следовательно, стыки палубы должны быть не внахлест, а типа «ласточкин хвост» с использованием уплотнителя. Какого уплотнителя, Вероника Аркадьевна? Думайте, ваш Менделеев должен знать свойства газов!

— Азот! — восклицает химичка, и ее глаза загораются опасным академическим огнем. — Жидкий азот! Он заполнит микротрещины и при замерзании расширится, намертво сварив конструкцию! Дмитрий Иванович, внесите в таблицу группу высокой реакционной способности!

Мы пишем на мягкой бумаге, предназначенной для гигиенических нужд, чертеж идеального судна. Мы рассчитываем водоизмещение, остойчивость, запасы кислорода. Мы спорим о точке росы. Для Вероники Аркадьевны это реальный корабль, который спасет ее замороженную душу. Для меня — способ удержать распадающийся разум этой несчастной женщины на плаву, создав для нее островок абсолютной, непререкаемой логики посреди океана безумия.

Для Кати, которая незаметно подошла и теперь читает наши каракули через мое плечо, это нечто третье.

— Вы строите ракету, — тихо говорит она. — Которая должна пробить купол. Плотность атмосферы выше расчетной, аэродинамика днища никуда не годится, вас разорвет на старте. Но идея с азотом красивая. Чисто айтишный подход к заделыванию дыр в старом коде.

Глава 7. Интерфейс Петровича

Утренний обход — самое уязвимое время. Главный врач, Аркадий Борисович, похож на утомленного жизнью филина. Его очки сползают на кончик носа, а белый халат помнит времена, когда транквилизаторы были мягче, а пациенты послушнее. Он ненавидит вопросы. Вопросы заставляют его думать, а думать в половине десятого утра для бюджетного психиатра — это профессиональный риск.

Сегодня очередь дошла до нас с Вероникой Аркадьевной. Врач садится на скрипучий табурет.

— Как самочувствие, дамы? — спрашивает он дежурную фразу, даже не поднимая глаз от планшета, где медсестра Валерьевна наверняка отметила красным нашу бессонницу.

— Аркадий Борисович, — начинаю я максимально бархатным голосом, включая режим «старший аналитик представляет квартальный отчет совету директоров». — Прежде чем мы перейдем к оценке моего самочувствия, позвольте внести ясность в вопрос нашей терапии. Согласно карте назначений, вчера вечером мне ввели пять миллиграммов галоперидола внутримышечно. Период полувыведения препарата составляет в среднем двадцать часов. Таким образом, пиковая концентрация в плазме крови приходится именно на текущий момент.

Врач замирает. Карандаш в пальцах Вероники Аркадьевны перестает скрипеть по бумаге.

— Продолжайте, Алина Сергеевна, — осторожно говорит Аркадий Борисович. Ему любопытно. Любопытство — лазейка.

— Учитывая блокаду дофаминовых рецепторов, моя префронтальная кора сейчас работает в режиме экстремального энергосбережения, — продолжаю я, краем глаза замечая, как Катя прекращает притворяться спящей и подается вперед. — Объективно оценить свое состояние я не могу. Однако я могу предложить оптимизацию схемы лечения. Если мы снизим дозировку антипсихотика на двадцать процентов и заместим ее курсом высокожировой диеты, мы получим рост синтеза ацетилхолина. Это улучшит мою кратковременную память, которая необходима для продолжения работы над проектом жизнеобеспечения с Вероникой Аркадьевной.

Аркадий Борисович снимает очки и протирает их полкой халата. Для него это крах всех парадигм. Пациент использует медицинскую терминологию против медицины.

— Проект жизнеобеспечения? — переспрашивает он.

— Ковчег, — гордо заявляет химичева, предъявляя врачу исписанный туалетной бумагой рулон. — Расчеты плотности, гидростатики и газового состава среды. Мы готовы предоставить выкладки по теплообмену.

Дверь палаты открывается. Заглядывает Петрович. Лицо у него красное, встревоженное. Видимо, Валерьевна доложила, что пациентка Морозова читает лекции главврачу.

— Аркадий Борисыч, там это... — мнется санитар. — Сыну моему помочь надо. По алгебре задали. Какой-то интеграл кошмарный, мать его за ногу. Никак не берется. Училка-зверь, двойку вlepит, стипендии лишат парня.

Это Катя. Она сделала ставку на сына. Идеальный момент вторжения.

Я прикрываю глаза, имитируя усталость от препаратов. На самом деле я сканирую ситуацию. Интеграл — это крючок. Петрович сейчас находится в состоянии острой родительской тревожности. Его рациональное мышление отключено.

— Оставьте бланк, Петр Игнатьевич, — неожиданно ровным голосом говорит Аркадий Борисович, пряча улыбку. — Зайдете после обхода. А вы, Алина, отдохните. Валерьевна, проследите, чтобы завтрак был съеден полностью. Белок важен для синаптической передачи.

Когда врачи выходят, Петрович просовывает голову обратно:

— Слышь, ненормальная, — обращается он почему-то ко мне, хотя Катя явно не спит. — Что там решать-то? Покажи хоть пример.

— Пример на стол, Петр Игнатьевич, — открываю я глаза. — И захватите две дополнительные порции сливочного масла. Работа мозга энергоемка. А заодно расскажите, какую тему сейчас проходят в техническом колледже. Нам нужно понимать глубину деградации современного среднего специального образования, чтобы адаптировать сложность задачи.

Петрович растерянно моргает. Он ожидал сопротивления, криков, требования лекарств. Вместо этого он получил отдел технической поддержки. Он уходит, качая головой.

Катя беззвучно смеется, уткнувшись лицом в подушку. Ее плечи мелко дрожат.

— Один-ноль в пользу систематизации, — выдавливает она. — Доброе утро, палата номер шесть.

Глава 8. Парадокс ложки

Завтрак приносят в алюминиевых баках. Клейкая овсянка, кусок белого хлеба, тонко намазанный маргарином, и мутный чай, цвет которого стремится к спектру слабого раствора йода.

Ложки в отделении пластиковые, гибкие. Это мера предосторожности. Гибкой ложкой сложно вскрыть вену, трудно нанести колющий удар и практически невозможно написать на стене проклятие — пластик оставляет слишком бледный след.

Я беру свою ложку. Она ядовито-желтого цвета.

— Испытание на предел текучести материала, — сообщаю я Кате, сидящей напротив.

Я начинаю сгибать ручку. Пластик протестующе пищит.

— Относительное удлинение при разрыве составит около четырехсот процентов, прежде чем произойдет молекулярный разрыв цепей, — я наваливаюсь всем весом. Ложка растягивается, превращаясь в нелепую желтую макаронину. — Хотя при данной температуре окружающей среды вязкость полимеров повышается. Можно смело добавлять еще процентов десять нагрузки.

— Ты сейчас сломаешь общепит, — Катя лениво ковыряет свою порцию. Она ест. Мой авторитет физика и человека, умеющего обрабатывать раны, перевесил ее базовое недоверие к еде.

— Я не ломаю, я тестирую, — ложка издает громкий хлопок. Половина ручки остается у меня в руке, вторая половина превращается в плоскую ленту. — Идеальный инструмент для отделения желтка от белка. Нужно только нагреть его до температуры фазового перехода полиэтилена низкого давления. Жаль, зажигалки нет.

Вероника Аркадьевна смотрит на остатки моей ложки с ужасом.

— Расточительство потенциальной энергии, — цокает языком химичка. — Из этого количества полимера можно было синтезировать изоляционную прокладку для люка нашего ковчега. Алина, в следующий раз производите расчеты *до* деструкции образца.

— Образец принесен в жертву науке, — парирую я, принимаясь за клейкую массу в тарелке. Есть приходится руками, скатывая овсянку в шарики. Это неэффективно. Потери калорий при таком способе потребления составляют около пятнадцати процентов.

После еды наступает свободное время. Самое тяжелое время в любой закрытой системе. Время, которое ничем не занято, заполняется страхом. Страх Вероники Аркадьевны снова начинает густеть вокруг нее, как жидкий азот. Катя уходит в себя, раскачиваясь на койке и беззвучно шевеля губами — считает пакеты данных, потерянные безвозвратно.

Мне нужно запустить процесс. Иначе система рухнет.

— Предлагаю сменить профиль деятельности, — говорю я громко. — Проект «Ковчег» переходит в стадию долгосрочного планирования. Переходим к проекту «Эскапизм». Задача: найти изъян в периметре охраны уровня «Стандарт-Психиатрия».

Голова Кати резко дергается вверх. Глаза блестят опасно и весело.

— Системный баг или человеческий фактор? — уточняет она, отбрасывая одеяло.

— Начинаем с аудита замковых механизмов, — отвечаю я. — Петрович любит оставлять дверь в коридор открытой, когда выходит курить к черной лестнице. Тепловизоров в стенах нет, инфракрасные датчики движения реагируют только на резкие перемещения в ночное время. Единственное узкое место — решетка на окне. Сталь марки СТЗ. Толщина прута восемь миллиметров. Расстояние между прутьями — двенадцать сантиметров. Голова пролезет, туловище — нет. Нужен рычаг второго рода.

Вероника Аркадьевна переводит взгляд с меня на Катю. Потом на свою кровать. Она встает, подходит к стальной спинке и с неожиданной силой выламывает из нее одну поперечную планку. Дерево трещит, но поддается.

— Рычаг, — лаконично говорит бывший доцент кафедры органики, протягивая мне деревяшку длиной около метра. — Дуб. Пропаренный. Хорошая структура волокон. Куда бить, аналитики?

Глава 9. Теория мягких стен

Мы не планируем побег всерьез. Побег из государственного учреждения закрытого типа — это статистическая погрешность. Даже если мы преодолеем решетку на первом этаже, внешний периметр охраняется людьми с автоматами и собаками. Шансов ноль целых, ноль тысяч первой.

Наш «Эскапизм» — это интеллектуальная мастурбация. Способ напомнить нашим мозгам, что они все еще способны генерировать сложные алгоритмы, а не только ждать следующей дозы.

Я принимаю дубовую планку. Она приятно тяжелеет в руке.

— Ударная поверхность рамы окна крепится к откосу анкерными болтами диаметром десять миллиметров, — я провожу пальцами по облупившейся краске. — Если распределить вектор силы точно, используя принцип клина, мы сможем расшатать кладку кирпича вокруг анкера. Кирпич здесь силикатный, марка М100. Он крошится.

— Сколько времени займет создание люфта в полсантиметра? — Катя уже стоит рядом, оценивая углы падения света. Солнце бьет в окно, освещая танцующие в луче пылинки. Каждая пылинка — галактика мусора.

— Около шестидесяти часов непрерывной работы вдвоем, — быстро считаю я. — Плюс минус десять часов на износ инструмента. Но физическая сила потребуется только на начальном этапе. Далее вступит в силу эффект накопления усталостных напряжений в металле.

— Значит, план говно, — констатирует Катя. — У нас нет шестидесяти часов. У нас есть максимум трое суток, пока Аркаша не заметил, что мы перестали пускать слюни и начали считать кирпичи. Он любит тишину. Тихих пациентов выписывают в загородный филиал в Коммунарку. А оттуда возврата нет, там лобные доли шлифуют электрошоком до блеска гладкой гальки.

— План меняется, — соглашаюсь я. — Прямая атака отменяется. Переходим к социальной инженерии. Окно — это отвлекающий маневр. Выход всегда там же, где и вход, но использовать его нужно тогда, когда страж считает, что охраняет сокровище, а не свалку.

— Говори понятнее, сумасшедшая, — рычит Катя, но наклоняет голову ближе.

— Вероника Аркадьевна, — обращаюсь я к химичке, которая внимательно изучает трещины на полу. — Ваш Дмитрий Иванович. Он может синтезировать взрывчатку из аптечки?

— Нитроглицерин примитивен, — не задумываясь отвечает та. — Реакция глицерина с нитрующей смесью. Экзотермично, но детонирует от малейшего толчка. Неаккуратно. Нет эстетики.

— Взрывчатка отменяется, — я чувствую прилив адреналина, чистый, лабораторный. — Нам нужен не взрыв. Нам нужен информационный каскад. Хаос, который заставит охрану бросить посты. Петрович — наш ключ. Но мы не будем просить его решать алгебру вечно. Мы создадим проблему, которую может решить только он, нарушив прямой приказ.

Я подхожу к двери и прислушиваюсь. Петрович на месте, слышно его недовольное сопение и треск рации.

— Смотри, — я возвращаюсь к окну. — Видишь пятно сырости на стене под подоконником? Старая протечка крыши. Вода шла годами. Там арматура давно сгнила.

— И? — Катя щурится.

— И то, что если создать направленное давление воздуха вон в ту вентиляционную отдушину под потолком, — я указываю подбородком на ржавую решетку, — мы можем обрушить кусок штукатурки. Ровно в тот момент, когда мимо двери будут нести тележку с передачами от родственников. Тележка высокая. Она заблокирует выход. Санитары сунутся внутрь помогать. Дверь останется открытой. В коридоре начнется паника. В общей суматохе Петрович побежит

искать завхоза, потому что крыша течет, а это нарушение техники безопасности. Завхоз даст ему ключи от чердака, чтобы залатать дыру своими силами, лишь бы не вызывать МЧС и не писать отчеты. Чердак сообщается с техническим этажом котельной. Из котельной есть выход во двор, где паркуют машину доставки продуктов. Водитель курит сорок минут, оставляя фургон открытым, пока оформляет накладные в приемном покое.

Во время моей речи челюсть Кати медленно отвисает.

— Ты сейчас расписала ограбление банка по нотам, — шепчет она. — Только вместо банка — дурдом.

— Это не дурдом, — поправляю я. — Это объект с крайне низкой культурой менеджмента. Люди, работающие здесь, ненавидят бумажную работу больше, чем боятся больных. Мы используем их лень как транспорт.

— Допустим, — Катя проводит рукой по волосам. — Допустим, мы выберемся за забор. Дальше что? Твоя теория симуляции? Куда ты пойдешь доказывать, что мир — это плохо написанный скрипт?

— Я не собираюсь ничего доказывать, — я сажусь на пол, приваливаясь спиной к теплой батарее. — Моя цель — собрать недостающие переменные. Снаружи поток данных чище. Здесь сигнал забит статикой медикаментов. Мне нужны библиотеки. Мне нужен доступ к закрытым серверам архивов Минздрава. Я хочу увидеть оригиналы своих постановлений. Я хочу понять, чья рука нажала кнопку «Форматирование» на моем личном деле.

— Романтика, — фыркает Катя, но в глазах у нее больше нет бездны. Там появился азарт. — Ладно, аналитик. Я в деле. Ломать кости скучно. Ломать системы — стильно. Чем будем давить на вентиляцию? У нас ни молотка, ни тарана.

Я смотрю на свою сломанную пластиковую ложку, валяющуюся у тарелки. Затем перевожу взгляд на деревянный рычаг в руках Вероники Аркадьевны.

— Мы будем использовать накопленную энергию заблуждений, — говорю я. — Самый разрушительный вид энергии во вселенной. Вероника Аркадьевна, идите сюда. Нам нужно составить график падения капель конденсата с этой трубы. Если рассчитать резонанс...

Химичка радостно подбегает к нам. Проект продолжается. Безумие обретает форму ГОСТа.

Глава 10. Энтропия Петровичей

Любая сложная операция требует репетиции. Наш «Информационный каскад» зависит от одного-единственного фактора: скорости реакции пожилого человека с варикозом на абстрактную угрозу.

Мы тренируемся на Веронике Аркадьевне.

— Итак, вводная, — я прохаживаюсь вдоль коек, заложив руки за спину, копируя интонации полковника из советских фильмов про войну. — Сигнал поступает по цепочке. Катя, ты инициируешь кашель. Глубокий, лающий, с бронхоспазмом. Твоя задача — привлечь внимание Петровича к состоянию дыхательных путей.

— Кашель астматика на финишной прямой марафонца, — кивает Катя, откашливаясь для пробы. Звук получается впечатляющий, влажный и безнадежный.

— Отлично, — одобряю я. — В этот момент Вероника Аркадьевна начинает декламацию. Текст: «Закон Бойля-Мариотта гласит, что при постоянной температуре произведение давления газа на его объем есть величина постоянная. Если мы уменьшим объем камеры...» Нет, стоп. Это слишком научно. Петрович решит, что это латынь и перекрестится.

— Надо про конец света, — подсказывает химичка, теребя край ночной рубашки. — Про гнев небесный. Он пугается метеорологов.

— Хорошо, — я корректирую сценарий. — Текст: «Огонь падет с неба, ибо звезды содрогнулись! Плотность верхних слоев атмосферы упала на три порядка!» Громко, с подвыванием.

— Я могу добавить жестикуляцию, — оживляется Вероника Аркадьевна. — Раскинутые руки символизируют расширение Вселенной. Это красиво.

— Ни в коем случае, — отрезаю я. — Расширение Вселенной визуально похоже на готовность к объятиям. Охрана воспримет это как агрессию и применит вязки. Руки опущены. Взгляд направлен строго вверх головы Петровича. Ты вещаешь истину, тебе плевать на смертных.

— Поняла, пророк Исаия, — серьезно кивает химичка.

— Третий этап, — я поворачиваюсь к Кате. — Пока они будут метаться между библейским апокалипсисом и умирающей астматичкой, я работаю с инвентарем. Под моим матрасом спрятан обломок кафельной плитки. Я нашла его в душевой, когда нас водили мыться. Острый край, карбид кремния. Я делаю надрез на простыне. Рву ткань. Создаю визуальный образ самоповреждения. Крови не будет, ткань старая, пыли много, красная пыль марганца из радиаторов добавит колорита.

— Симуляция кровотечения верхнего отдела ЖКТ, — профессионально кивает Катя. — Красная рвота. Пугающе, но не смертельно. Санитары обязаны надеть перчатки. Перчатки снижают мелкую моторику.

— Именно, — я щелкаю пальцами. — Петрович вбегает. Видит: первая орет про Апокалипсис, вторая блюет кровью на казенное белье. Его приоритет — остановить загрязнение помещения. Он разворачивается к двери, чтобы крикнуть Валерьевне. В эту секунду я бросаю плитку в вентиляционную шахту.

Я подхожу к стене и показываю точку броска.

— Шахта гулкая. Плитка летит вниз два этажа. Звук удара камня о бетон фундамента имитирует падение тяжелого предмета. Возможно, части перекрытия. Обрушение. Теракт. Нарушение целостности госучреждения.

— Паника персонала класса «Б», — подхватывает Катя. — Протокол велит сначала локализовать опасных элементов, затем вызвать инженера. Инженер — это наш билет на свободу.

— Все верно, — я останавливаюсь. — Вопросы? Узкие места?

Глава 11. Коэффициент трения

— Узкое место — Валерьевна, — Катя садится на корточки, обхватив колени руками. Ее аналитический ум работает параллельно с моим, выискивая баги в системе. — Она толстая и медленная, но у нее звериное чутье на фальшь. Если она почует, что мы играем спектакль до того, как Петрович откроет рот про сына, она просто нажмет кнопку вызова дежурного врача. А врач сейчас злой, потому что его лишили премии за высокий процент побегов из загородного филиала.

— У Валерьевны муж-алкоголик, — напоминаю я. — Когда ее когнитивный ресурс перегружен выбором между «бить тревогу» и «сохранять покой отделения», она всегда выбирает второе, если чувствует личную выгоду. Мы дадим ей выгоду.

— Какую? — хмурится Вероника Аркадьевна, которая пропустила часть лекции о персонaliaх, занятая мысленным расчетом траектории падения звезд.

— Иллюзию власти, — поясняю я. — В момент паники именно медсестра берет на себя командование санитарями, пока Аркадий Борисович прячется в кабинете. Мы должны вести себя так, чтобы успокоение *нас* казалось ей единственным способом спасти собственную шкуру от проверки министерства.

Я подхожу к двери и прижимаюсь ухом к крашеному ДСП. Слышу шарканье тапочек Петровича. Он остановился прямо у нашего глазка. Сейчас будет проверка температуры или выдача таблеток циклодола трем тихим дедушкам напротив.

Пора переходить от теории к практике. Мои ладони внезапно становятся влажными. Это физиологическая реакция на выброс адреналина. Я растираю руки о штаны пижамы, активирую тактильную чувствительность. Кожа должна работать как датчик.

— Репетиция отменяется, — шепчу я, не поворачиваясь. — Начинаем боевое развертывание. Сигнал по моей команде. Катя, дыши глубже, насыщай кровь кислородом, тебе понадобится объем легких.

Мы ждем. Тишина в отделении давит на барабанные перепонки. Даже женщина, спорящая с пауком, затихла. Эта тишина имеет вес. По моим внутренним часам проходит три минуты сорок секунд. Затем раздается скрип тележки. Обед. Время максимальной уязвимости охраны: они отвлекаются на распределение тарелок, открывают кормовые окошки, рискуя пальцами.

Тележка останавливается. Звякает металл о металл.

— Приятного аппетита, девочки, — голос Петровича звучит глухо через дерево. — Лекарства примите.

Это сигнал. Не мой, а самой системы. Фармацевтическая блокада сознания. Если мы проглотим эти розовые кругляши, наш план превратится в набор бессвязных фантазий.

— Открой, Петр Игнатьевич, — говорю я громко и отчетливо. Мой голос звучит ровно, без истерики. Голос человека, который полностью контролирует ситуацию. — Мне нужно обсудить с тобой график смены постельного белья. Текущий регламент нарушает нормы СанПиН по микробиологической обсемененности матрасов.

Щелчок замка. Глазок темнеет, затем вспыхивает светом коридора. Лицо Петровича заполняет проем. Он смотрит на меня с подозрением. Обычно после таблетки я либо плачу, либо считаю трещины на потолке. Разговоры о санитарных нормах для него — признак надвигающегося шторма.

— Потом обсудишь, Сергеевна, — он протягивает пластиковый стаканчик с водой и розовую таблетку на раскрытой ладони. — Глотай быстро, мне еще блок кормить.

— Сначала регламенты, — я не сдвигаюсь с места. — Или ты хочешь объяснительной на имя главврача, почему в палате номер семь уровень золотистого стафилококка превышает допустимый в четыре раза?

Петрович тяжело вздыхает. Его алгоритм дает сбой. Угроза бюрократией против угрозы здоровью. Бюрократия ему страшнее. Он открывает дверь шире, заходя внутрь. За его спиной маячит встревоженное лицо Валерьевны. Она держит в руках лоток с нашими дозами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.